

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРНОЙ ГЕГЕМОНИИ НА КИТАЙСКИЕ ЦЕННОСТИ

Аннотация

Цифровая глобализация привела к глубокой интеграции культурной коммуникации и цифровых технологий. Распространение цифровой культуры стало новой движущей силой развития глобальной культурной коммуникации, а также новым проявлением «мягкой силы» страны. Основываясь на своем первенстве в области цифровых интернет-технологий, Соединенные Штаты овладели «голосом» информации, распространяемой в цифровом пространстве. Это способствовало монополизации ими международного распространения цифровой культуры, тем самым породив режим цифровой культурной гегемонии, который еще больше укрепляет их культурную гегемонию.

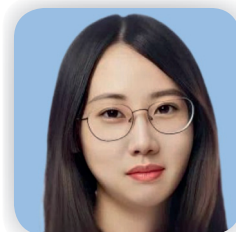
Данное исследование посвящено основам власти, механизмам формирования, ключевым смыслам и сущности цифровой культурной гегемонии США, а также потенциальным угрозам, которые она представляет. Анализ показывает, что эта гегемония, основанная на технологической монополии и логике капитала, распространяет традиционные формы господства на цифровую сферу, проявляясь в технологической колонизации, интеллектуальном культурном демпинге и скрытом идеологическом проникновении. Важно отметить, что это создает серьезные проблемы для культурной идентичности и ценностей стран-мишеней. В данном исследовании представлены теоретические рекомендации и стратегии противодействия цифровой культурной гегемонии Соединенных Штатов.

Ключевые слова: Соединенные Штаты, Китай, культурная гегемония, цифровая гегемония, ценности.

Автор

Ли Сяоминь

Аспирантка кафедры сравнительной политологии
Российского университета дружбы народов
им. Патриса Лумумбы
(Москва, Россия; Китай)



Введение

Начиная с XXI века в связи с быстрым развитием цифровых технологий человеческое общество вступило в новую эру цифровой трансформации. Новые технологии, такие как Интернет, искусственный интеллект, большие данные и облачные вычисления, продолжают появляться, значительно меняя производство и образ жизни людей. Однако на фоне нового витка революции в области цифровых технологий развитые капиталистические страны Запада во главе

с Соединенными Штатами установили новый тип «цифровой культурной гегемонии», опираясь на свои преимущества в цифровой инфраструктуре, технологических исследованиях и разработках и т.д.

Опираясь на основополагающую концепцию культурной гегемонии Антонио Грамши как достижения господства посредством идеологического лидерства и согласия [8, с. 567–593] и признавая концепцию «мягкой силы» Джозефа С. Ная-мл., в которой привлекательность формирует предпочтения [14, с. 153–171], эта новая гегемония от-

четливо проявляется в цифровой сфере. Важно отметить, что она действует в рамках мир-системной структуры отношений «ядро-периферия» Иммануила Валлерстайна [19, с. 343–352], которая теперь перенесена на глобальный цифровой ландшафт. Таким образом, для целей данного анализа «цифровая культурная гегемония» определяется как форма асимметричной власти, осуществляемой ключевыми государствами (в первую очередь США), использующими монопольный контроль над цифровой инфраструктурой, платформами и потоками данных. Эта сила позволяет повсеместно распространять специфические культурные продукты и системы ценностей на периферийные и полупериферийные страны. Ее механизмы включают технологическое доминирование, алгоритмическое курирование и создание глобально доминирующих цифровых нарративов, в конечном счете направленных на сохранение политико-экономического превосходства и формирование глобальных культурных норм в эпоху цифровых технологий.

Проявления цифровой культурной гегемонии США

Цифровая культурная гегемония Соединенных Штатов. Валенте указывает, что цифровая культурная гегемония Штатов достигает технологической колонизации путем построения глобальной дискурсивной системы «центр-периферия» [18, с. 741–743]. Китайский ученый Л. Лю переделывает ее в трехмерную структуру. Во-первых, Соединенные Штаты создали структурные барьеры, используя свое преимущество первопроходца в области цифровых технологий, контролируя 77 % мировых интернет-серверов и установив технологическую гегемонию в сети, охватывающей цифровую инфраструктуру, коммуникационные протоколы и основные алгоритмы; во-вторых,

контролируя права на трансграничное применение основных технологий и системы управления доступом к Интернету, являясь лидерами в области установления стандартов, они могут активно вмешиваться в устройство цифровой инфраструктуры других стран; в-третьих, пользуясь технологическим преимуществом для доминирования над глобальными информационными ресурсами и монополиями на платформы, США применяют социальные сети, например X (ранее известная как Twitter), для продвижения таких своих ценностей, как свобода и демократия, и создают медиа-экосистему, охватывающую пользователей по всему миру [10, с. 19–29].

Продуманные стратегии демпинга американской культурной продукции. Дж. Липшульц отметил, что, опираясь на технологические преимущества цифровых платформ, Соединенные Штаты внедрились в глобальную коммуникационную сеть такие культурные продукты, как кино, телевидение, игры и музыка, формируя двойной механизм получения экономической выгоды и насаждения своих культурных ценностей [9, с. 4]. На примере голливудских фильмов модель синхронизации кино и Интернета преодолевает любые ограничения времени и пространства. Глобальная аудитория мгновенно получает контент через потоковые платформы, что не только увеличивает долю рынка, но и незаметно внедряет такие ценности, как индивидуализм и потребительство. Исследование китайских ученых Х. Суна и Ф. Ли показывает, что игровая индустрия использует опыт погружения в виртуальный мир для внедрения культурных символов в сюжетный дизайн и визуальное искусство и, благодаря глубокой зависимости молодых людей от цифровых продуктов, реконструирует их реальную когнитивную структуру [16, с. 84–86].

На что стоит обратить внимание, так это на продуманную маркетинговую

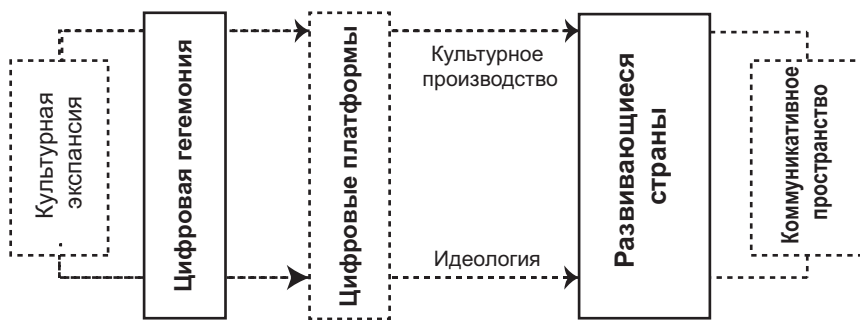


Рисунок 1. Проявления культурной экспансии цифрового империализма

Источник: составлено автором.

трансформацию культурной столицы Америки. В отличие от традиционной модели односторонней коммуникации, цифровые сферы, такие как социальные сети и онлайн-сообщества, создали замкнутую систему двустороннего взаимодействия между производством и потреблением. В этом процессе цифровые платформы используют видимость технологической нейтральности, чтобы скрыть суть культурной экспансии, продолжают оказывать влияние на культурный суверенитет развивающихся стран и формируют новый тип носителя идеологической продукции [12].

Скрытые пути проникновения американской идеологии. Проникновение американской идеологии демонстрирует тенденцию перехода от репрезентативного способа к имиджевой форме. А. Вафин утверждает, что цифровая культурная гегемония США создала фантастическое пространство эмпирического потребления с точки зрения репрезентации, преобразовав относительно публичную, абстрактную и спекулятивную идеологию в частную, конкретную и осязаемую имиджевую форму, продолжая оказывать влияние на культурный суверенитет развивающихся стран и формировать новый тип носителей идеологической продукции [2, с. 224–229].

Американский цифровой империализм также использует средства мас-

совой информации и информационные технологии для скрытого распространения идеологий, соответствующих его собственным интересам, проведения целенаправленных интервенций в некоторых странах и стремления изменить сложившуюся политическую структуру этих стран с помощью таких стратегий, как «мирная эволюция» [1, с. 13–20]. Д. Чжэн и Т. Цинь считают, что цифровые технологии являются одновременно мощным инструментом для проникновения в идеологию и «защитным зонтиком» для американской цифровой гегемонии, позволяющим тайно внедрять ее идеологию [22, с. 95–104].

Пунктирная линия на рис. 1 отображает скрытый путь распространения. Цифровая гегемония США пытается сделать развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки мишенями своего «движения за цифровую изоляцию», чтобы создать замкнутую цифровую экосистему и экспортировать культурные продукты и ценности, которые выгодны только Соединенным Штатам.

Суть американской цифровой культурной гегемонии

Международная коммуникационная система цифровой культуры, в которой доминируют Соединенные Штаты. Международная система цифровой культурной коммуникации, возглавля-

емая США, построена на двух основах: гегемонии цифровых коммуникационных технологий и культурной гегемонии. Ее суть заключается в расширении и реконструкции традиционной формы цифрового пространства [17, с. 114–125, 209–210]. Дж. Ванг и Дж. Ян отмечают, что американская система цифровой культурной международной коммуникации имеет свои особенности по сравнению с традиционной системой международной культурной коммуникации [20, с. 75–85]. Начиная с распространения религиозного искусства в колониальную эпоху и заканчивая продвижением «общечеловеческих ценностей» в эпоху цифровых технологий, Соединенные Штаты всегда формировали глобальный культурный порядок, контролируя право на распространение. На техническом уровне Соединенные Штаты, опираясь на свою монополию на цифровую инфраструктуру и транснациональные медиа-группы, расширили границы культурной коммуникации до бесконечного виртуального пространства с помощью новых средств господства, таких как «цифровая экологическая война» и «война инноваций».

Поддержание глобального политического господства Соединенных Штатов. В эпоху цифровых технологий Соединенные Штаты, опираясь на свои передовые технологические преимущества, включили систему управления Интернетом в основу своей национальной стратегии. Благодаря тесной взаимосвязи капитала и политической власти, они постепенно превратили свои преимущества в области цифровых технологий в инструмент идеологического манипулирования. Это «изменение политической логики», о котором рассказал М. Кастеллс, находит отражение в использовании Соединенными Штатами цифровых медиа для систематического переписывания исторических нарративов, создания культурных когнитивных иска-

жений и превращения стран, в которые проникли, в вассалов своей системы ценностей в процессе разрушения культурной идентичности [13, с. 370]. В то же время правительство США превратило цифровые платформы в новое политическое оружие. От стратегии «прямого объявления войны», опубликованной Конгрессом США в 1964 году, к современной стратегии социальных сетей, Соединенные Штаты продолжают влиять на сознание элитных групп в целевых странах посредством предоставления «точной информации», тем самым оказывая скрытое давление на местные органы власти [7, с. 65]. Более того, Соединенные Штаты используют цифровую культурную гегемонию в качестве основного средства поддержания международного иерархического порядка. Эта гегемонистская система, опирающаяся на цифровые технологии, по сути, заменяет традиционное военное вмешательство «мягким культурным контролем» с помощью цифровых медиа, сохраняя свое глобальное политическое господство с наименьшими затратами [3, с. 853–859].

Доминирование логики капитала. Суть гегемонии цифровой культуры заключается в распространении логики капитала в цифровую эпоху. О. Бойд-Барретт считает, что на первый взгляд Соединенные Штаты определяет технологическая монополия, но на самом деле за этим стоит потребность в росте капитала. Разные платформы, такие как Facebook, X, Instagram (принадлежат Meta, организации, признанной экстремистской и запрещенной в РФ), обеспечивают конфиденциальность пользователей и их данных с помощью «бесплатных» сервисов, повторно монетизируют культурные продукты и расширяют монополию во многих областях, таких как электронная коммерция и облачные сервисы, создавая систему цифровой гегемонии [15]. Эта экспансия не только соответствует прямой цели капитала — достижению

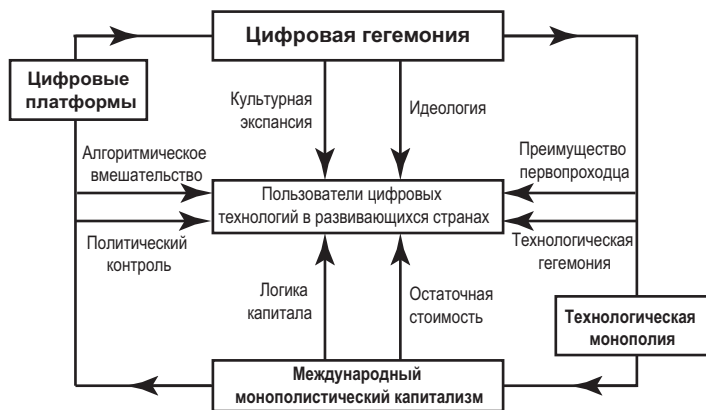


Рисунок 2. Суть культурной экспансии в контексте цифровой гегемонии

Источник: составлено автором.

прибавочной стоимости, но и служит долгосрочному правлению американского монополистического капитала [4, с. 11–22]. Она не только проникает в идеологию посредством экспорта культуры, но и отвлекает внимание от внутренних классовых конфликтов в Соединенных Штатах посредством манипулирования общественным мнением. Здесь подтверждается инстинкт накопления капитала, выявленный Марксом: пользователи становятся «производителями и потребителями», а результаты их труда и жизни превращаются в данные о трафике. Гегемония цифрового капитала осуществляет двойное разграбление времени и пространства, стирая границы между работой и жизнью, в конечном счете превращая технологические сети в новый инструмент укрепления капиталистического правления. От эксплуатации данных до многопрофильной монополии — логика капитала всегда была основной нитью, проходящей через цифровую гегемонию Америки [21, с. 62–73].

Как показано на рис. 2, культурная экспансия в условиях цифровой гегемонии означает, что капиталистические страны-монополисты и их альянсы полагаются на свои абсолютные монопольные преимущества в области цифровых технологий и других аспек-

тах, чтобы навязать свою собственную культуру, особенно идеологическую систему, в основе которой лежат американские ценности, другим странам, контролировать институциональную деятельность и социальную жизнь этих стран, тем самым укрепляя мировое господство Соединенных Штатов и получая максимальную выгоду.

Влияние американской цифровой культурной гегемонии на китайские ценности

Разрушение культурной идентичности с помощью «цифрового ландшафта». Западная цифровая культура использует медиа для создания «пан-развлекательного» цифрового ландшафта, который ослабляет интеллектуальное участие человека и делает акцент на чувственном наслаждении. В цифровых ландшафтах объекты выводятся на передний план, что приводит к нейронной стимуляции визуального представления, заменяющего углубленное изучение рационального аспекта. С одной стороны, в цифровом ландшафте, который прерывист и лишен определенного контекста, с помощью дразнящих и игровых методов развлечения создается вымышленная история, фабрикуются ложные факты, и общественность вводится в заблуж-

дение. Заставляя ее погружаться в цифровые пейзажи, например, прямые трансляции, она постепенно теряет свою субъективность и рациональное мышление. С другой стороны, благодаря «пан-развлечениям» цифровых культурных продуктов создается виртуальный, недолговечный чувственный праздник и создается комфортная ложная мечта, побуждающая публику погрузиться в контекст «пан-развлечений» на этой «карнавальной площади» и потерять самих себя в иррациональной и праздной цифровой жизни. Соответствующие данные исследований еще раз подтверждают это влияние. В частности, опросы, проведенные Китайским информационным центром интернет-сети (CNNIC), показывают, что значительная часть китайской молодежи (более 70 %, о которых сообщается в отчете за 2024 год) регулярно потребляет западный развлекательный контент, такой как фильмы, телевидение, игры и музыка, через онлайн-платформы [5]. В то же время исследование культурной уверенности, представленное в Отчете об удовлетворенности жителей Китая культурным развитием за 2024 год, выявило корреляцию между частым просмотром подобного контента и снижением гордости за традиционную китайскую культуру среди определенных групп, особенно подростков [11]. Эта культурная экология, которая используется под видом развлечения, на самом деле — проникновение американской цифровой культурной гегемонии, серьезно подрывающей понимание и идентификацию людей с социалистической культурой Китая, проявляющаяся в таких ощутимых угрозах, как ослабление культурной сплоченности и размывание национальных ориентиров среди молодежи.

Использование «ценностного кокона» для поглощения ценностной идентификации. Цифровая культурная гегемония Соединенных Штатов использует алгоритмические техно-

логии для создания «ценностного кокона» и «фильтрующего пузыря» из американских ценностей, таких как либерализм, общечеловеческие ценности и потребительство. Она скрывает традиционные проявления американской культурной гегемонии, такие как контроль над общественным мнением, монополия на власть и манипулирование дискурсом, и стремится использовать развлекательный характер культурных продуктов, чтобы скрыть их реальную идеологию. Особенно среди молодых людей, у которых еще не сформировались устойчивые ценности. Когда они получают только приятную информацию, но испытывают недостаток в информации с другого полюса политического спектра, отсутствие диалектического мышления парализует их «квазистатистические чувства», ограничивая их когнитивную рациональность. В сочетании с односторонней идеологической обработкой в рамках традиционного ценностного образования, этой «бунтарской» группе легко неверно истолковать западные ценности, создать «ложные представления» о признании, снизить терпимость к социальным проблемам Китая и, таким образом, привести к политической поляризации в цифровом сообществе [6, с. 73]. Такая динамика представляет прямую угрозу социальной стабильности, способствуя разделению ценностей между поколениями и усиливая подверженность идеологической фрагментации, о чем свидетельствуют растущие показатели поляризации в Интернете, отслеживаемые китайскими социологическими исследованиями (CNNIC) [5].

Размывание политической идентичности с помощью микронарративов. Для соответствия когнитивному контексту китайского народа американская цифровая культура использует множество разнородных символов, чтобы понравиться и привлечь его внимание. Более того, с помощью скрытых выражений и запутанных дискурсивных

систем молодые люди, особенно те, кто находится на стадии формирования своих ценностей, запутываются и теряются в них, что подрывает авторитет господствующей идеологии. Чтобы завоевать признание в сфере мысли и познания китайского народа, гегемония американской цифровой культуры постепенно заменила дискурсивное пространство «большого повествования» на «микроповествование» в цифровых медиа. Использование дискретных методов для подрыва модели «контроля власти» с точки зрения коммуникации не только сделает контент беспорядочным и затруднит представление целостности смысла, но и будет нести в себе эмоциональные призывы и отпечатки, разрушая систематичность и целостность господствующей системы ценностей Китая. Согласно онлайн-дискурсу, вокруг конкретных социально-политических событий в Китае, зафиксированному в исследованиях таких учреждений, как Китайская академия социальных наук (CASS), фрагментированные и эмоционально насыщенные микронарративы, которые часто усиливаются цифровыми приемами, созданными под влиянием США, могут поставить под сомнение согласованность национальных нарративов и создать путаницу, особенно среди молодых пользователей Сети [11]. Эта фрагментация представляет собой серьезную угрозу для согласованности политической идентичности и коллективного понимания, необходимых для национального единства и преодоления сложных социальных реалий.

Вывод

В эпоху цифровых технологий Соединенные Штаты используют культурную экспансию в качестве своего невидимого щупальца и продолжают внедрение в развивающиеся страны под руководством логики капитализма. Это проявляется в использовании системы монополии международного дискурса «центр-периферия» в качестве основного преимущества культурной экспансии, в распространении цифровых культурных продуктов в качестве важного средства внешней культурной экспансии и в идеологическом вторжении в качестве основной цели культурной экспансии, что в конечном итоге приводит к достижению сути продвижения культурной гегемонии, сохранению глобального господства и продолжению логики капитала. Столкнувшись с цифровой культурной экспансией Соединенных Штатов, Китай всегда настаивал на принятии позитивных мер и стремился уменьшить негативные последствия цифровой империалистической культурной экспансии. Укрепляя исследования и разработки в области цифровых технологических инноваций, используя цифровые технологии для расширения возможностей культурных инноваций, укрепляя доверие к культуре и постоянно совершенствуя и консолидируя национальную линию цифровой культурной безопасности, мы можем противостоять вызовам и угрозам, связанным с расширением цифровой культурной гегемонии США.

Литература

1. Байбакова Л.В., Зайцева А.В. Формирование идеологии американского неоконсерватизма в советской и современной российской историографии // Клио. — 2024. — № 10 (214). — С. 13–20.
2. Вафин А.М. На службе спецслужб: идеология консерватизма в американской массовой культуре // Знание. Понимание. Умение. — 2024. — № 1. — С. 224–229.
3. Фадеева Л.А. Идеологическая аргументация внешнеполитической идентичности Соединенных Штатов Америки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. — 2024. — Т. 26. — № 4. — С. 853–859.

4. Badiou A., Yeung H.H., Ruda F. Politics Today: Thirteen Theses and Commentaries // Crisis and Critique. — 2022. — P. 11–22.
5. China Internet Network Information Center. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.cnnic.com.cn/> (дата обращения: 01.06.2025).
6. Gu Yulan. Lenin's Theory of Imperialism and Its Contemporary Value. — Beijing: Social Sciences Academic Press, 2015. — P. 65.
7. Baudrillard J. Consumer Society. Translated by Liu Chengfu, Quan Zhigang. — Nanjing: Nanjing University Press, 2000. — P. 73.
8. Lears T.J.J. The Concept of Cultural Hegemony: Problems and Possibilities // The American Historical Review. — 1985. — P. 567–593.
9. Lipschultz J.H. Social Media and Political Communication. — New York: Routledge Press, 2023. — P. 4.
10. Liu Liqing, Xiao Haochuan, Wang Cande. Cultural Expansion of Digital Imperialism and China's Response // Journal of Hefei University of Technology (Social Sciences). — 2025. — № 2. — P. 19–29.
11. Institute of Sociology, Chinese Academy of Social Sciences. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://sociology.cssn.cn/shxsw/> (дата обращения: 01.06.2025).
12. Mathur S. Digital Sovereignty: Balancing Security, Identity and Global Hegemony // Navigation the Digital Frontiers: New Paradigms of Technology and Society. — 2023. — P. 19.
13. Castells M. The Power of Identity. — John Wiley & Sons, 2011.
14. Nye J.S. Soft Power // Foreign Policy. — 1990. — No. 80. — P. 153–171.
15. Boyd-Barrett O. Media Imperialism. — Sage Publications, 2014.
16. Sun Xiangjun, Li Fan. On the National Ideological Security in the Perspective of Cross-Cultural Communication of Cultural Products // Journal of Yinchuan Municipal Party School of CPC. — 2016. — № 2. — P. 84–86.
17. Tian Wenlin. "Civilization and Barbarism" Narrative and Hierarchical World Order // Political Science Research. — 2023. — № 5. — P. 114–125, 209–210.
18. Valente J.C.L. From Online Platforms to Digital Monopolies: Technology, Information and Power // Comparative Sociology. — 2023. — Vol. 22. — No. 5. — P. 741–743.
19. Wallerstein I. A world-system perspective on the social sciences // The British Journal of Sociology. — 1976. — Vol. 27. — No. 3. — P. 343–352.
20. Wang Jiachen, Yan Jing. Western Digital Cultural Hegemony and Response in the Perspective of Digital Cultural Imperialism // Journal of Chongqing University of Science and Technology (Social Sciences Edition). — 2023. — № 3. — P. 75–85.
21. Wu Guolin, Li Yadan. A Political Economic Critique of Digital Imperialism's Consumption Colonization // Political Economics Research. — 2023. — № 4. — P. 62–73.
22. Zheng Dongfang, Qin Ting. Political Economic Critique of Digital Imperialism's Technological Hegemony // Journal of Theoretical Studies. — 2022. — № 3. — P. 95–104.

**Перевод с английского выполнила Данилина Ольга, корректор
и литературный редактор журнала «Русская политология»**